

Слава Сумалётов

ИМЯРЕК

пейзаж в лицах

I

БЫТОВИК.¹

Я в себе мудрее разных:
разум мой силён, но тонок,
информирован и развит
от зрачков до перепонок.

И в запасе я детали
всевозможные храню –
непредвиденных аварий
семя сжёт я на корню!

Есть дежурная улыбка
и набор удачных фраз,
чтобы быт не омрачали
любопытные соседи;
не скрипела чтоб калитка
в мир открытой пары глаз,
есть слеза и три печали,
заспиртованных в пакете;
есть жена, есть дочка, тёща
и варенье, книги есть,
кубометров точный счётчик,
а в четверг сумел обрести,
что давно недоставало
мне как счастья наблюденья:
молодого, хоть нахал он,
друга для отдохновенья:
устаешь ведь от забот –
и вливанье страстных прений
раза два полезно в год.

Есть ещё знакомый гений,
столь искусный натюрморт
для духовных впечатлений;
есть брошюры по буддизму,
тесты, тосты и остроум
одноактовые клизмы,
чтоб отсасывать от жизни
весь до капли интерес.
Досконально мной изучен
каждый встречный экспонат:
знание уязвимых мест
даст мне меткость в лучший случай
впрыснуть смертный концентрат,
микродозу выверяя
незаметно и наверно,
к психологии талант
понапрасну не швыряя
(только – на весы карьеры).

В общем, не сужу убогих;
допускаю, я не бог,
но насущные тревоги
я покоем превозмог.
Ты взлетел, поэт, со мною
твой навечно скован крик:
то, что ты постигнешь кровью,
я симметрией постиг!

И знаешь, я давно хотел сказать тебе с последней прямоотой:

Когда-нибудь по полочкам
разложат твои папочки,
расставят тихо томики,
разденут музу химики –
и миражи рассеются:
без мистики останутся
законы, что построили
стихов структуры странные –
кристаллы вдохновения;
судьбы кривые линии
и прочие пророчества
закончены, прочерчены:
весы уравновешены.

Аптекарь-время нами правит:
твой вечный бег – по циферблату,
безумье – в рамках точных правил.
Икар открыл закон расплаты.
И время слепок свой расплавит.
Слепой котёнок след оставит
в туманных лабиринтах мира
под взглядом будущего (тигра!),
ведущий только мимо, мимо...
Поэт, понятное противно.²

II

Окологеняев.

С БГ встречался на квартире,
пока он не был в полном стиле,
гордячкой звёздной не болел;
а к Пушкину я охладел:
сей избалованный павлин
вогнал в культуру в центре клин;
а Лермонтов – юнец и сплин –
сам, как Печорин, виноват,
я ненавижу плагиат!
У Шевчука я тоже был,
ему кассеты привозил,
когда он пел, как пень, в опале;
Шевчук, простой, надёжный парень,
меня портвейном угощал!
Ещё я очень многих знал...
Ни перед кем не лебезя,
сказал я правду! Что, нельзя?!³

III Г д е б ь ю т и н.

Ты хмурый! Почему, друг мой?
Любые – в чём-то не правы.
А я – обычный и простой.
Не злись, не морщи головы.

Сегодня ночью спать не стану:
додумаю себя... Ты странный:
простого взгляда не стерпел!

Зла не держу, хоть надоел
себе ты тоже.⁴

IV О з н о б⁵

[сидит перед закрытой дверью].

Эти бело-горячие ночи
над проточной водой:
ряды чёрных моих многоточий
по дороге домой...

Досадно, жизни запятая,
как водки трусливый глоток,
не к месту если в глотке станет...
Исправить ошибку пора бы, дружок!

Но вы говорите: хватит?
Но ты говоришь: оглянись?..
В конце концов каждый заплатит.
Я опускаю лицо – я смотрю вниз.

Согнувшись в три погибели,
он стал на парапет...
Ложь славной его гибели
другой поймёт поэт!

[Оглядывается...]

С парапета он в пресный
сиганул водоём.
Мир поэтому треснул.
Пиджачок был на нём.
А топиться нечестно!
Потому что – семья
и последний пиджак!
И зашить-то нельзя:
невозможно – как
“балерина с веслом”.
На глазу бельмом,
абсолютный, ничей,
в прорубь летних ночей
оступился сквозняк
из вечности...
Над водою сгустился
стоеросовый мрак:
было время слепой человечности.

Со стихиями бился,
как придурок-герой,
там один на один...
всё же всплыл я!.. Живой.
Трезвый. Мокрый. Чёрт с ним,
с пиджачком!

[С ледяным треском встаёт.]

А может быть, я интереснее прочих,
которым с вином и дружить не хотелось.
Но кто-то с зачатья меня запророчил,
как будто троллейбус судьбу переехал:
на вещи с трудом мне и с болью смотрелось.
На дыбе стыда я – безвольный, послушный.
Плевать мне в лицо своим праведным смехом
я вам позволяю, безгрешные души...

*[Со стоном “эх-ты” дверь раскрывается.
Озноб, сверкая ледяной коркой, исчезает за ней.]⁶*

V

М о л о т ц е в а т н ы х

[говорит по телефону; на другом конце провода – человек женский].

– Да что нам осталось? Одни эпилоги.
На хлеб хоть хватает протаскивать ноги.
И внучка со мной подралась в коридоре
вчера. Подросло мне на старости горе!

– Да не говори! Моя тоже не “ах”!
Не платит совсем уважения дани,
а письма лишь шлёт, оскорбляя в грехах,
что, мол, без любви материнской страдает!

– Моя, не поверишь, я сам озверел,
когда, под матрасом порывшись у ней,
нашёл фотографии там гоголей!
Я с первых соплей голодал и потел:
гусей и свиной пас! Растили детей
на шее мозолистой нашей в тепле!
Намедни сыскал я в еёном столе,
забывшем закрыться, дневник. Обомлев,
там дважды прочёл кое-что обо мне!
Дождавшись с работы, я выложил строго
пред ней свои взгляды на ейные фотки.
Она же в слезах мне как вцепится в глотку!
Здоровая лошадь... А всё недотрога!

– Мозглячка зелёная пишет: я будто
ей мстила за годы свои и ублюдка,
отца её. Зверь же гулял, кобелина!
А я его долго, так подло любила,
искала, следила, как шлейф, по пятам,
а он унижал! Был красив этот хам...
Какая обида – коль муж золотой?
Когда бы не зять, я в твой дом ни ногой!
Сама заслужила – не зря ж: поделом:
пелёнки стирала твои, аферистка,

а ты мне письмом по лицу? это низко!
Умру – не отмоешься, помни о том!
Права я?.. Алло!.. Спишь, что ли, там?

– Любил и я: вспомнишь на финише, что ты!..
Но страсть была, тайна! У этих же... срам!
В милицию я доложу обо всём:
как факт на лицо – гоголиные фото!
Уйму свою жалость: тяжёлым стыдом
только их можно спасти поколение.

– За это давно уж никто не стыдил.
Любовник нашёлся... Прошло твоё время!
– А видно, не зря муженёк тебя бил?
– Ты бабник и вор! И не стыдно, старик,
в белье-то копать?

– Багровый парик
на лавочке завтра сорву твой при всех!
– Псих, аристократ, лишний ты человек!
– Сама-то... Торгуешь в метро сигаретами!
– А ты... Вообще сталинист после этого!
– Ну, знаешь...

VI

в скверу

М а с с о в х и н [диск-жокей]. По вашему желанию, по моему хотению... [С крыши сползает бумажный змей с буквами на морде: “ИЗ МУХИ ВЫРАСТИМ СЛОНА!”] Гомункул хренов... [Откашлявшись.] Извините. Митинг открыт.⁷

Б ы т о в и к [в толпе]. Люблю басни!
О к о л о г е н я е в [там же]. Бездарно!
Г д е б ь ю т и н [там же]. Да ладно... А кто такой “комункул”?
О к о л о г е н я е в. В словарь посмотри!
Г д е б ь ю т и н. У меня нет.
Б ы т о в и к. Гомункул – это такой человек.
Г д е б ь ю т и н. А-а... Гомункул...

О к о л о г е н я е в. Знать надо. (Серость!)
Г д е б ь ю т и н. Не понял притчу... Так всегда: не поймёшь одно слово – и не надо всего остального! При чём тут мухи?

Н и щ ц е р [самовыдвигаясь]. Вот Ньютóн...
М а с с о в х и н [задвигая]. Не при вперёд имени!
Н и щ ц е р. Попрошу не оскорблять мою...
М а с с о в х и н. Я твою... [Грубо в спину.] Пожалуйста!
Н и щ ц е р [высморкавшись].

Вот Ньютон – большой учёный!
Только ты – совсем ублюдок...

[Массовхин глядит. Ниццер указывает на Гдебьютина.]

В рамках жизни заключённый,
прозябает твой рассудок.

Но зрея в серых недрах мозга,
всё всходит, красным светит солнцем
здесь мысль далёкая одна:
“учёных мало – ублюдков тьма!”

Окологеняев. Какие бездарные аллегии!
Нищцер.

А если б стало наоборот?
А если б вышел переворот?
То короли новоспечённые –
ублюдки редкие – зажили б власть
и колбасу жралí б копчёную.
Служили б им рабы учёные,
объедки общества...

Бытовик. Какая страсть!
Нищцер.

Но, слава выбранному року:
учёных мало – ублюдков много!

Гдебьютин. Хороша техника!
Нищцер.

Да, тяжело. Да, плохо. Да, убого.
Но зато вас много!!! [*Улепётывает.*]

Массовхин. Туда и дорога... Твоя очередь, пошёл! Зря деньги получаешь, дерьмод!
[*А я предупреждал, что здесь не бал!*] Да уж...

Грязноплотнев [*скалясь на змея*].

Своей рукой я б эту рожу!..
Так образно я вам итожу.
Ражо... Ра-зо-ру-жа-ют нас!
Колонизируют, атас!!!

Бытовик. Неразумно.

Грязноплотнев. Кхе-кхе-кхе-кхе...

Массовхин. Работай, сволочь! Уволю!

Грязноплотнев [*раздуваясь*].

Они всех девок превратили в тёлоч,
раздев, купив и выгнав из светёлоч!
Вперёд, сыны! На пепелище!
В огонь! В огонь!
Торжище, спекулища и вонища!
Кругом! Кругом!
Спасите нашу расу!!!
Так изничтожим чёрную заразу,
что баб одеть не разрешает!
Пусть знают лилипутов племена,
что их гиганты укрошают!
Пусть помнят! наши!! имена!!!
Кхе-кхе-кхе-кхе... апчхи!.. Простите.

Массовхин. Воды! Воды ему несите!

Бытовик. Больной. Надо чинить.

Гдебьютин. Да, техника не очень-то.

Грязноплотнев [*громко глотая*]. Режь по кусочкам эту плешь!

Бытовик [*одевая шляпу*]. Дождик, никак...

Гдебьютин. Да вроде нет.

Грязноплотнев. Кхе-кхе-кхе... Да что такое? Кхе-кхе-кхе... Простыл... На чём
остановились мы?..

Окологеняев [*подпрыгивая*]. На ку-соч-ках!

Грязноплотнев. Спасибочки.

Окологеняев. (Вот бездарность! Нуль! Ничтожество!) Я к Вам подойду после мероприятия?

Грязноплотнев. Ещё водички, будьте добры... [*Перелистывая речь.*] Какая пошлость... Наставила мне опечаток в горло! Умнее не могли взять секретаршу?

Массовхин. Я с тобой потом поговорю.

Грязноплотнев [*косясь*].

Как витязь в шлеме, как герой,
из сил последних я ногой...
(Вот дура! Ты сама... нагая!)
Прибейте костылями его к шпалам!
Смерть... (дура!.. голая) шакалам!
(Нет, невозможно тут работать...
с такими голенькими дурочками!)
Кхе-кхе... Да что, в натуре, нынче... ик!.. ик!..
Тьфу, господа, простите. [*Испаряется.*]

Бытовик. Он сказал – господа?

Окологеняев. Да уж не товарищи!

Гдебьютин. Какая разница?

Окологеняев. Для тебя – никакой! [*Гордо уходит.*]

Бытовик [*молча вслед*]. Придурок.

Массовхин. На себя посмотри! [*А что?*] Вот чёрт! Никого... А голос явный, как во сне... Устал! Но – должность, должность... [*Позвонив.*] Кто там?... Чем дальше, тем слаще! (Хоть и дурак, а не люблю его.)

Шилоглазов. Сон? Не-е-ет! [*Глубокомысленно.*]

Голодная обезьяна стоит перед зеркалом.

[*Аплодисменты.*]

Ну, просто стыд и срам!
Сзади на лямке – на другой стене –
висит банан.
Обезьяна бросается – зеркало разбивается –
морда в крови.

[*Аплодисменты.*]

Но там – впереди-то!–
новое зеркало...
И вот оно разбито –
животное бедное
стоит перед третьим
зеркалом...

[*Аплодисменты.*]

Экспериментатор-нахал
много наставил зеркал!

Гдебьютин. Я ничего не понял.

Бытовик. Ты тонкий человек... Не понял, почему?

Гдебьютин. Да техника у него какая-то...

Бытовик. А-а, техника... Тогда, конечно.

[*Крики: Bravo! Бис! Позор! Долой! Молодец!*]

Шилоглазов. Пошли вы все, козлы, домой!

Массовхин. Нет-нет, ещё рано. Товарищ пошутил.

Ш и л о г л а з о в. Я никогда не шучу! Это святое!

М а с с о в х и н. За что и плачу.

Ш и л о г л а з о в. Кстати?

М а с с о в х и н. Секретарша заболела.

Ш и л о г л а з о в. Да?!

М а с с о в х и н [*шурша*]. Не бойсь...

Ш и л о г л а з о в. Ладно, функционер... Недолго вам ещё куражиться! Надеюсь, на этот раз без обмана?

М а с с о в х и н. Я без обмана не умею. [*Задвигая.*] Шучу. Следующий!

М а р т о б р ю к в е н к о.

Представим себе, например, человека.

[*Смех.*]

Так – затылок. Ниже – уши. Из-за ушей – щёки.

Щёки ходят. Жуёт человек!

Рядом – собака, бездомная.

Дело было зимой.

Человек даёт ей хлеб с маргарином.

Или – пинает обледеневшими валенками

в морду! в морду! в морду!

А тут как раз – другой человек,

протягивает листовку.

Прочитал. Понравилось?

Да, победа! Победа? Победа...

[*Уходит, жестикулируя.*]

Победа?! Победа-победа. Победа...

Г е б ь ю т и н. Почему?

М а с с о в х и н [*зевнув*]. Ещё один.

М о л о т ц е в а т н ы х [*фальшиво и скучно, как стихи обычно читают*].

На фоне труб – труп солнца.

Зловоние на дне колодца.

Все улыбнулись и захлебнулись.

[*Дико смеётся. Все молчат. Перестает смеяться.*]

Вот если б всех разоблачить,

как хорошо нам будет жить...

От лицемеров очистим скверы!

М а с с о в х и н. Грустно. Но должность, должность... Спокойно!!! [*Молотцеватных, поскользнувшись, ломает палец... даже – два! Его куда-то уводят лысые мальчики.*]

Б ы т о в и к. Не рой другому правду никогда. Знать меру надо, да!

[*Уходит. Гдебьютин остаётся. Массовхин выдвигает на сцену очередное лицо.*]

И х н а ш е в.

Да здравствует природа и рыночная экономика!

Государственность, духовность и спорт!

Жрать все хотят.

И Нищцер, и Грязноплотнев-солдат!

Вот в это я верю.

Желаю вам счастья!

А счастье – это хорошо жить!!!

[*Восторг, переходящий в овации.*]

Г д е б ь ю т и н. Ничего не понял...

М а с с о в х и н. Товарищ смотрит на вещи под правильным углом. Я бы даже сказал: в точку! Молоток! Идёт от идеи. (Товарищ-то – опасный идиот. Надо узнать поточней: чей человек? По-моему, сумасшедший...) О, и этот здесь! Зверь... [*Брезгливо отодвигаясь, подаёт условные знаки в сторону крыши.*]

П о д ч е р д а ч н и к о в. Пошёл вон. Уничтожу. [*Похлопав бумажного змея по морде.*] Кто виноват, и что с ним делать? [*Заметив Озноба, с кирпичом суетящегося на крыше.*] Что я вижу? [*гипнотизируя*] на крыше [*резко пошатнувшись*] покатою!!! [*Озноб чуть не срывается вниз, нависая на краю.*] Осторожнее надо. Ветерок-то скверный. Ветерок-то в морду! [*Проваливается.*]

М а с с о в х и н. А ты чего смотришь, обалдуй?! [*Грозит кулаком нависающему Ознобу; тот вскарабкивается и исчезает.*]

О к о л о г е н я е в [*возвращается с синяком под глазом; незаметно показывая, что прячет в карман автограф Грязноплотнева*]. Каков хам!

Б ы т о в и к [*подходит, утирая салфеткой уста*]. Покушать никогда не повредит. Ну, что тут было без меня?

Г д е б ь ю т и н. Да ничего.

О к о л о г е н я е в [*поглаживая карман*]. Какая скука!

Г д е б ь ю т и н. Дайте послушать...

О к о л о г е н я е в [*отворачиваясь*]. На! Слушай!

Г д е б ь ю т и н. Ну чего ты?

М а с с о в х и н [*грустно*]. На сегодня хватит с меня. Устал, словно погасшая звезда. (Хорошо сказал! Надо запомнить.) Всё, куранты! Митинг сворачивается в покрывало сумрака. (Хорошо говорю! К чему бы это?)

О к о л о г е н я е в. Ещё не били.

М а с с о в х и н [*вздвигнув*]. Что?!

О к о л о г е н я е в. Куранты, говорю, ещё не били. Рано сворачиваться. (Какая тупость!)

М а с с о в х и н. Били-били. У вас часы отстают от времени. Значит, завтра – здесь же, как всегда. Желаю сна. Звук выключаю, свет тушу. [*Бросая окурок.*] И мусор за собой убрать прошу! [*Задвигается.*]

О к о л о г е н я е в. Бездарно!

Б ы т о в и к [*удаляясь*]. Работать надо...

Г д е б ь ю т и н. Да ладно...

О к о л о г е н я е в. Будь другом, вместо меня, спешу, убери тут...

[*Все расходятся. Гдебьютин остаётся.*]

VII С а м о к р у т .

Ух, завистливые мухи!
только сплетни, только слухи
вы способны породить –
за спиной: боитесь драться!
То, что я умею жить:
делать деньги, одеваться, –
вас всё время будет злить.
Вам бы только отсыпаться
да убожество влачить
душных душ и тленных тел!
Побеситесь! Мне приятна
ваша зависть! Я имел,
широко и многократно,
рыло этого порядка, –
не скрываясь, как вы, крысы,
в недоношенные мысли,
в дел неполотые грядки.
Для числа плодились мы все,
да, ничтожества? Навряд ли
общий мы найдём язык!
Да и нужен он мне, как
дурам – юмор, курам – бык!

Вам столовка – мне кабак.
Вам обеды – мне шашлык.
Вам – подачи в упаковке,
лесть политиков, листовки...
Мне же – дачи и машины,
мне – удачи сердцевина:
жизнь разыграет многоцветьем!
И мои не будут дети,
словно ваши, плакать: “Батя,
а других-то вон собратьев
в джипах возят по планете...”
Малышам сумею дать я
то, что должен дать родитель.
Вы ж своих детей на митинг
поутру гулять водите
и газетами кормите!

Провожая и встречая
комплексующие дни,
всё меня нравоучают:
мол, духовные они...
Как хотите – так живёте!
Что духовные вы – врётё.
Просто слабые: лишь в стае
на чужой мотив поёте,
по отдельности ж – такая,
извините, какофунька...
Пыль с моей машины сдунь-ка,
демагог! За баксы если?..
Так-то, взял... Пошёл отсюда!
Вот он, весь ваш “кодекс чести”!
И зашепчет залепуха

смело вслед, что я ублюдок...

Нету слов, такая скука:
среди скотов искать партнёров.
Но ведь – надо! Стал актёром:
в дружбу мне теперь сыграть,
что два пальца показать.
Хуже после: как афёра
в завершение приходит –
друг постылый очи сводит!
Обовьётся... Отлепить
легче пластырь от спины
волосатого больного,
чем содрать с души родного!
Станет плакать, жалить, нить,
рыться в мусоре вины...
Чтоб не трагитить личных дней
в разговорной толкотне,
скажешь грубость – он очнётся.
Через год опять припрётся,
вот дешёвка, попросить
всё понять и всё простить!
Слушать выродка придётся.
Дескать, мучился и страждал,
осознал, что “а ргіогі”
виноват он перед каждым.
Но... не хочет расставаться!
Как так можно унижаться?
Ах, доколе мне, доколе
на загривках тешить колья?!

От проблемы данной жуткой
наступают промежутки
в играх жизни: нерв борьбы
провисает до нуля
общих мест – и пью я страшно,
как стандартные жлобы.
И слетаются “друзья”,
будто мухи на цветы...
Промотавшись до тельняшки,
вновь затягивать болты
мне приходится потом.
К счастью, в нашем дуrolоме
(если ты в ладу с умом,
не заспанец и не зомби)
прокрутиться так нетрудно
(благо, много индюков) –
и валяются фортуны
под ногами бедняков:
подбирай, живи красиво!

Но проходят горделиво
оборванцы мимо злата, –
чтоб встать в очередь, где брата
так приятно локотком
под шумок под дых пихнуть;
и постукав кулачком
в свою вяленую грудь,

обругать и продавца,
президента-подлеца,
коммунистов, злое время,
демократов и евреев,
и меня, уж вне сомненья!
Чтоб затем в нору забиться
“с чувством удовлетворенья”,
где с женою-стервой биться,
водку жрать, детей стегать
и орать, орать, орать!..

Прочь от вашего бесплодья!
Нам друг друга не понять.
Не натягивай поводья,
страх: не бойся – я везучий!
Я не плачу – я плачу:
подкупив счастливый случай,
воплощаю в явь мечту!
Только жадность никому
не прощаю: тех, суму
возлюбивших, ведь уму
не научишь. Я стою
на земле и лишь в свою
силу верю! (Церковь – трусам.)

Нет, не деньги ради денег
и не дело ради дела –
а искусство для искусства
полученья наслажденья:
просто жизнь и ради жизни,
это вечное движенье!..

Как ни зябко, как ни пусто,
в жилах немощной отчизны
льётся в сырости подполий
мною любимая богема
(официальная – безвкусна:
много блеску – мало крови).
На пробелах между делом
я хожу в подвал за хлебом,
абсолютно-ненасущным, –
чтоб псам бросить, стерегушим
наших судеб злую стужу
(или карму – нынче модно).
Там свою вторую сущность
(alter ego, как угодно!)
доброй влагой чистых звуков
“подкармлю” – и тяги мука
к совершенству утихает...
И спокойный на полгода,
весь заполненный стихами,
возвращаюсь в смрад народа...

Пристегнул аппаратуру
я к подвалу дорогую,
чем доступный вклад в культуру
внёс конкретно. И иду я
новым замыслом объят...
Мне поэты взад глядят,
презирая и любя:
все – ушедшие в дорогу,
что ведёт в свою утробу;
заблудившись там, едят
сами поедом себя
(струны сердца сладко рвутся)
и, отчаявшись проснуться,
умирают, как хотят.

Их монашество по силам
мне, но только жить красиво
я хочу – не на бумаге! –
не во сне и не в кошмаре
яви будничных забот:
жить хочу я – не как скот,
не как царь, не как герой,
не как кто-нибудь иной, –
но как я и только я:
как велит душа моя!⁸

VIII

*Секретарю и попечителю
поверенных носителей добра
г. Суховынимаеву К.З.*

Письмо-отчёт.

Гул затих. То был не без труда добытый мною плюс (хотя не жалуюсь, но жду поддержки, в том числе финансово). Чтя Ваши, непостижные мне рамки кругозора, я, как и прежде, буду максимально краток и правдив.

Служивший мне упругим замом и третьей шевелящейся рукой, а именно: центрист, товарищ (ныне бывший и не мой; но, к сожаленью, не немой!) неоправдавший Бытовик, с улыбкой эластичной; по нужде служебной созерцавший прозу Ваших органов и принимавший подношенья многих, – в шатающихся испытаний дни отколупился в боковую сторону (упорствуя в цене), сдружившись с Сумалётовым, который, хоть и молчит покорно, ненадёжен: почуяв запах будущего, может нанести удар коленом в спину, ибо те сюжеты, что полупосвящённый разглашает Бытовик ему...⁹

Посему! прошу направить мне для адекватных целей средства, чтоб Сумалётова подвергнуть повышению в рейтинге и нюх его подвигнуть на уступки, иначе падший гений крыснобежавшего Бытовика... но с ним, дождавшись Вашего свистка, я доиграю драму сам! (Согласно ходу тайных приложений.¹⁰)

Напомнить поспешу ступеньки преступлений, которыми прошёлся Сумалётов этот: назад тому... (ну, Вам известно, сколько лет) он ухитрился вычислить каким-то чудом некий “документ”¹¹, чем и нанёс просвет на Ваш портрет; а факт печальный материально скопировал ему в менталитет всё тот же ушлый Бытовик! а ныне – психотерапевт и экстрасенс-надомник. Но главное, не факт – сам подсознательный кураж писаний тех: народ читать не будет их, но тем и страшен тихий смех! (Простите за настойчивость, но я Вам так хочу помочь исправить в душах наш язык.)

Ещё о двух (что, впрочем, только внешне омрачают Ваш порядок естества): бродяга Самокрут и маленький евоный порученец: неряха-дворник у меня в скверу, знаток подпольных направлений всех искусств, запойный завсегдатай кухонь, несчастный Окологеняев.

Пусть первый и полезен в плане рынка (для поступления стихийной составляющей в казну), но слишком прыток, злит толпу, способен на бессмысленный обман, а главное! непредсказуем (сиречь неуязвим); боюсь я крепче связываться с ним.

Второй же очень может быть пригоден нам: исподтишка пусть гадит, но ведь по мелочам, зато! открыт он для совсем нехитрого ключа: лишь обрати вниманье, запретив публично, – и гордо к Вам на сцену выйдет самый верный пёс (тем более что Самокруту надоел он).

Как доводил я регулярно Вас, пульс митинга расписан по секундомеру: фиксированы речи лидеров и взгляды зрителей, – мероприятие не доставляет больше зуда Вам; но, вот как точка проникания в натуру матерьяла (охотника охотник завсегда поймёт!), имеет наперёд отлитые болванки языка и в помощь обернётся в роковом финале.¹² Когда я вдруг умру (не праздная предосторожность тут, не правда ли?)¹³, не надо будет волноваться Вам по пустякам.¹⁴

Вчера, когда я кончил виртуозно, никого уж не было в скверу почти что, но! ночью (по плану моему) вернулись добровольно все: шум был, давленье тел и прочих инструментов макияжа, и Ваше чучело (по мудрому совету Вашему!) мочили керосином, жгли, пели гимны однозвучно и вокруг костра плясали до утра; а по случайной (не учтённой мной) ошибке в Отделение Охраны Чистоты Молитв, как главного зачинщика прошедшей вакханальи, мальчишки мои внесли забавного сынка (окурки подбирал). Ответивший, согнувшись (били зря): “Гдебьютин я, карандашей зачинщик”, – он был прекрасен!

Сей очевяленный кумир встряхнул мне душу! О, сколько зим хрустальных и тщедушных лет я тупо верил в данный идеал! И вот предмет моих мечтаний тайных, лунных грёз и снов кошмарных воплотил в органике товарищ молодой (пришла, выходит, в результат борьба за новый человеческий образ)!

Простите мне гиперболизм мой небольшой, но если б той наружностью нам поплотней набить запасник родовой (но далеко ещё до горизонта долгожданных новостей¹⁵)...

Гдебьютин наотмашь по щекам небритым я расцеловал! – в горячке митинговой такого парня повстречать не каждому руководителю свезло (всё как-то легче с идеалами в душе). Его б на соответственную должность (а Сумалётов впредь пусть точит сам свои карандаши! подумаешь, писатель неизвестный): я снисхожденья Вашего прошу на то везение голубчику, чтоб нам не упустить возможность лишний раз дать биоматерьялу факт наглядный: *кто* ценен в пику Самокруту в итоговых смещениях мозговой коры! Прискорбно Вас прошу я: он достоин лучшей участи, чем рядовая тень.

А также доведу опять Вас объективно, что Грязноплотнева я слушал – сей начал надрывать: промотал за день последнюю квартальную подачку, щедрованную Вами, позарившись на крошек Шилоглазова (не стоит и полфразы), вечно пахнет жареным, остервенел до судорог в гортани: кашляет, сбивается, икает, – и крайне неприятно огордился: до того зазнался, что чуть не отказался мне стирать носки! На время, думаю, спихнуть фигуру Грязноплотнева с доски.

Нищцер с Мартобрюквенко сцепились на планёрке: сводили счёты в банках (до чего противно!), но оба скорпиона мне нужны для колыхания подкорки, дабы доказать: во-первых, проявление свободы слов; а во-вторых, возможность допустимых колебаний на Вами заданном пути, – поэтому имеют гормональный смысл: вливая семя в мозг низов, их отвлекают от бессонницы и самопогруженья (которое по-настоящему могло б застопорить все планы!).

Но Подчердачников подонок и без слов! Когда б не это временное время...

Но есть во мне надежда на Озноба: товарищ добрый и за стакан нектара изведёт любого; вчера (я лично для примера говорю о том манёвре тела) он проследил объект до дома, чуть было не схватив за пятку слабости... Но Подчердачников увёртлив, словно хрящ варёный: снова провалился!

Вы ж, снизойдя до наших малых дрязг, переведите мне на счёт, пожалуйста, досье на всех его друзей, однофамильцев, однокровков. Доколе будет этот тип глумиться над моей борьбой и над своей женой? (А мне – подругой лучших дней, таких прозрачно-мимолётных...) Я лишь с той разницей позыва упомянул о ней в параграфе письма, что жаль её: она ещё красива, но быстро блекнет в дискомфорте от его соседства.

Но трезво заявляю я, поставив точку зрения на нём: что, будь хоть трижды ты хрящом, скрипучий Подчердачников, мной будешь побеждён, искоренившись с глаз её навек! И на моём крючке находишься уже на четверть скользкой жизни: недолго остаётся, не изблотившись, осквернять дыханьем стены. И с Грязноплотневым в обнимку схлынешься со сцены!

А вот с Молотцеватных всё понятно: он в возрасте последнем, контакт нормальный, пятна выводимы, меня не беспокоит, большинство за ним, рихтовке поддается, зарплатою доволен, под ногой не вьётся.

И напоследок – о Ихнашеве: чей человек?

Спасибо за вниманье. Кончил всех.¹⁶

Вечно Ваш Массовхин

IX

С у х о в ы н и м а е в .

*Массовхину:
на вечную память*

На Ваши затуханья (лишь по причине веры в свет народа!) последние, учтите, шлю я указания, хотя, признаюсь, дуть не хочется на воду (тем более – плевать на ветер). Не забываетесь: кадр Вы старый и в далеко не модной ленте... Не сесть ли Вам за мемуары?

Но, нет. Об этом – ниже. А пока (придётся призадуматься!)...

Об этом – рано! Теперь о Сумалётове. Он мой! Его не тронь... Но и об этом после. А пока о том, который ходит возле. Ваш бывший зам., товарищ... Бытовик? А мне вот кажется, что он отменный кадровик! И, знаете, весьма удобно разместился бы на Вашем стуле. Что? Сидите в кресле, да? Уютнее, небось? (Не бойся!!!) Не бойся меня, что ты... Об этом – после.

А впрочем, Вы даже правильно упомянули там, в чугунных рюшках своего письма... По простоте душевной, я и забыл об этом “документе”! И сразу понял я: у Вас обыкновенный дар! Я б так не смог. (Тут и подумалось о мемуарах вдруг, сынок.)

А чем Вам не пришёлся Самокрут? Вот он бы вряд ли стал бумагу пачкать! Но музыка свободных дел для Вашего ли старческого слуха? Ась?

Зачем Вам дался Окологеняев?! Иль мало в твоём скверике воняет? Но Вам приятно, видно, трогать... (Прости, ты знаешь мою слабость к прямоте.)

Да, кстати, тот ублюдок Ваш, Гдебьютин... Он опасен! Пусть молчит.

Нет, не могу сдерживать восторга, пережёвывая тёртое творение отчёта твоего! Не стоит ли плотней заняться мемуарами? Поверь, с почётом время дам! (И – место.) Так и не будем дальше продолжать? К чему? К чему нам с Вами лук сажать? Чтоб после его резать, плача?.. Ну, будет, будет... Пошутил! Любя же.

Ах, Подчердачников! Вот мастер! Он уже! достиг искусства течи речи... Вам сколько лет на этом свете? Вооружившись алкоголиком Ознобом, гоняетесь за призраком! Какая вошь кусила Вашу душу? С такой душой Вам место... на рыбалке. А ты надеялся? А? Что? Попался я на твой крючок?.. Ну, а теперь ты сам как червячок. (Нет, нужно Вам преподнести павлинее перо и золотую табуретку!)

Ну чем Вам Грязноплотнев помешал? Столь честный профессионал! Подумаешь, подачку промотал. Носки же впредь стирайте сами! Пора б и Вам... понять, что каждому – своё: кому карандаши точить, кому... Прости великодушно. (А ты можешь, знаю!)

Ихнашев, говоришь?.. Ихнашев... Все остальные (хоть этих оценили!) находятся при зыби: мелькая в меру сил, вселяют веру в митинги... Ихнашев чей?.. Ихнашев... Вот пристал!.. Ихнашев... Чёрт с ним! Нам уже не надо, чтобы народ был нем: теперь – наоборот! А Вы? Вы лишены, похоже, слуха. Вам не вместить мой принцип формы... Дружок, ты не боишься круга? (Что-то я устал.) Не бойся!!!

Такая проза... В кресле, говоришь, сидишь? Уютней, чем на... койке? Да ты особенно не слушай новостей с утра... Но, знаешь, я больше не могу терпеть! Пора. Пора кропать Вам мемуары на цветущем лоне! Мерси, заждался крема... Crema с булкой не хотите ли на полдник, мой покой... Тогда прошу Вас в санаторий! Есть одно местечко барское, в центре колумба... Клумба, говорю, лежит там прямо в центре, пахнет, представляешь? Много, много будет цветов! За это я ручаюсь. Как ты прекрасно понимаешь, мы друга лишний раз не продадим: одарим по всей форме! С ног до головы... Душка моя! м-ма! целую в лобик!.. Прости, что сразу не сказал. Такая, брат, тоска заела. Скука, б... Дай, думаю, сесть хоть, словечек наковырять ему в последний раз?.. Вот видишь, как оно бывает. Всё дела, дела... А написать-то бывшему корешу парочку добрых словечек и некогда. А время летит! Глядишь, а он уже... спит. Вот и вспомнишь тогда! но... Так и у нас с тобой нехорошо получилось. Не по-приятельски как-то с твоей стороны!.. А ты, наверное, думаешь: дело всё в том “документе”? Нет. Просто – надоел.

Теперь – о главном! Мой имярек ты в мемуарах пропусти, не надо этого. (Очень не советую.) А ты же испугался? Признайся, старенький... А? Что? Не бойся меня. Пиши ты мемуары, сколько хочешь! (Ты понял.) Не стоит беспокоиться: мной Сумалётов очарован. Ты ж лучше отдыхай от дел. Ты заслужил. Нет, заслужил! (Доспел.)

Прощай, малыш. Будь умницей. А письмецо сожги.

Сердечно Ваши

Х ЭПИЛОГ¹⁷

Эпилогировать обязан
наш автор¹⁸, хоть имеет право
сидеть в тени и быть везде,
но хватит! грим смывать пора вам!
И я туда же: с медным тазом
спешу своей грядущей славы,
случайно чтобы мне людей
и не задеть, и не обидеть
(мне много своего греха),
да связь корней постичь: увидеть
подстрочник зеркала стиха.
А расколоть стекло поможет
мозгоудар: хочу! всё!! знать!!!
Колись, несчастный: враз всю кожу
анализ может ободрать...
Ах, психологии качели,
самодостаточная фальшь...
Бить зеркала же – суеверье.
Не дашь мне в зеркало, не дашь!
Так критику я крикну в пене,
когда со скальпелем к поэме,
научной жаждою томим,
он подойдёт: глагол от бреда
отмоет трезвый формалин...
Стой, слава резвая! тпру, тпру!..
О правда, лучше нам не ведать,
во что нас превратят, как труп
опустят в землю тут... Однако
завралось, зеркальце, мой свет?..
Да кто не врёт – тот не поэт!
Тот гражданин. Правдив от страха.
Стихи вредны: мешают жить.
Что делать с нами? Только бить.
Пусть это грубо, но с размахом!
(Обидней нас не замечать.)

А друг мой, кочегар занудный,
зевая с завистью сквозь зубы,
поэму продолжал читать...
но в этом месте вдруг прервал
мой звукоряд: “Не вскрыть ли вены?
Что нашей крови откровенней?
Лишь жертва убеждает зал
в правдивости жреца”, – и встал!
В зеркале сталью нож блистал...
Но, на два метра отойдя
к стене, спокойно мыслил я:
одно здесь “но”... Чтоб понял ты,

к примеру мы возьмём котлы...
(Обдав меня прохладным потом,
трюмо казалось эшафотом.)
Ты не взорвёшь котёл, пока
он чист: причина – не искра!
(Сверкали рифмы исподлобья:
по закоулкам памяти тайком
искал я что-нибудь... вот! злобный
и очень справедливый лом.)
Но если газ туда проник,
искра всегда, мой друг, найдётся.
Но может чуткий истопник
спасти котёл: он не взорвётся –
проветренный. Да глух, как рок,
герой: пихнёт окурок в рот
и спичкой, бедный идиот,
спросонья чирк... Но тут из рук
нож выпадает – бледный друг,
глота слёзы, ставит чайник...
Напиток солнечный привёл
нас в чувство ритма. И об стол
мы, улыбаясь, постучали.

– Сосулька темя пробивает –
да не моё! И объезжают
трамваи: я не загазован!
Чудес случайных не бывает!
Твоею притчей был растроган!
Ты премий, орденов и званий
достоин, знай же, дорогой!–
кричал мой кочегар живой,
качаясь в зеркале. – Не зря
сдались нам трезвые друзья!
Ведь я поэт! Ты тоже... ищешь.
А значит, оба мы пьяны.
Но наши подвиги и вирши,
как воздух, больше не нужны.
Пусть трезвый нас оберегает!
Как только тьма в нас проникает
(заметно сразу по стихам) –
тут трезвый хватъ тебя: “Порхаем?”
Провентелирует. И хам
в крови до времени стихает...

“Да будет свет!”– прокашлял чёрт,
бросая рукопись в костёр.
Но слово не горит в огне.
Вот чёрт, ошибся я в цене...

ПРИЛОЖЕНИЯ

Для медленного чтения.
Между законченными дозами – воздушные ямы.
При повторном применении возможно привыкание.
БЕРЕЧЬ ОТ НАЧАЛЬНИКОВ, ЖЛОБОВ И СНОБОВ!
*Авторитет*¹

¹ №1

Зачем нужна нам здесь ещё одна поэма? И так не перечесь! к примеру: на Земле растений разных, насекомых, птичек и других явлений... (Читатель благородный, не сердись.)

Да где вы, типы мягкие: фигурки восковые для сюжета? Молчат зловеще: не дают извне ответа... Нет никого! (И денег нету.)

Кстати, о спорте! Мне сон был: прыжки со своим лицом перед зеркалом мира я совершал, а тренер наш твердил: “Доверься языку, мой друг: позволь герою самому своё безумье рас-скрывать. Свободу духа строго соблюдать! Вот право. Вот устав”.

И я... проснулся. Только что летал – горит душа! Хочу опять... Но не пускает что-то. Сижу – не легче воздуха, не тяжелей земли. И вижу: в зеркале – готовый имярек: овал, глаза-буравчики и тапочки под шкафчиком. Достаточно улик! Раз отвалился от души – лети! (Куда? Спроси у Архимеда.)

Вот так возьмёт за горло стих живой... потом никто не разберётся, где тут форма, где судьба. Но мне придётся (критик, меня бойся!) духов различать.

С приветом. Сумалётов. (Сам такой!)

² №2

Но... Нет, не должен я оспаривать героя. Посмотримся в лицо другое...

³ №3

Скорей под душ!.. –“Крах-зря!...” Вот неудача: что-то лязгает, грубит в крану вместо воды горячей... “А ты не прав...” Туда-сюда-а-а... прррехолодный кррра-а-а... пчхи!..

Ну, вроде цел... почти.

И в зеркальце – картинка новая (хотя убогая, зато не трогает): стоит, дрожит прилизанная, губами сизыми беззлобно клацающая...

⁴ №4

Это отражение меня ввело в сомнение: не бросить ли писать?..

Так, сколько здесь? Да, где-то пять страниц. Издамся наконец!

⁵ №5

Прилёт... И сон идёт: уже, быть может, в двух шагах... В момент такой главе моей, уставшей за день и опухшей, с торчащими незримо из ушей извилинами, ой, щекотно! невтерпёж! от стада гениальных схем, приковылявших из подполья. Когда бы их не растерять... Ни ручки, ни бумажки рядом нет, и лень вставать. Вот так от нас шедевры ускользают и лучшие из тем! И молодцы глупцы, – хотя бы тем, что умных презирают.

... Но вот и стал ты бесконечно одинок: не расстанешься никогда с блокнотом? И с воплем поутру: “Что слава? Бег трусцой для бодрых мертвецов!” – ты ночи с нетерпением ждёшь, чтоб чистой болтовне отдаться снова. (Вот настоящий прозы взлёт!) Но днём не брезгай и работой черновой. Ну, например (мужайся, бледный пионер):

– чем отвратительней герой и чем вокруг него надавит изошрённый автор психологии погуще, не жалея ни героя чёрной крови, ни своего рассудка объективных сил, тем лучше;

– добра, конечно, тоже нужно в меру: читать не любят слишком светлые новеллы и тихий труд не мил;

– для подниманья тиража необходимо всыпать специй: щепоточку блестящей страсти и в контрасте – столько же душещипательной семейности; добавить остроты сарказмом и неверьем, а для пикантности – весьма полезно, чтобы зло торжествовало чаще;

– сюжета сливки: смерть на пике счастья;

– знак правильного тона: самоирония намёков и загадочность пробелов;

– и никаких восторгов! (О разум, сохрани нас от презрения толпы!) А коль неумоги, то выпрыгни в скептических кавычках: мол, ты поймёшь, читатель нетупой, что тут играет автор твой... Хоть нежелательно, полёты разрешаются, но только в малых дозах: безвредных для среднестатистической души заказчика, который всегда прав...

---

¹ Всегда от них, писателей, что-то остаётся! дополнительное, где можно порыться... Материалы были доставлены в мой адрес господином Бытовиком с Гдебютиным, где почерк правой руки автора подтверждается, зафиксированный мной визуально на бумажках, пронумерованных и разложенных здесь с целью ознакомления.

См. также др. мои нотабени. Спонсор настоящего

Стоп. Я слишком издеваюсь над собой... Но сон нейдёт! И рифмолётный ритмоход мой всё планирует куда-то, над просторами бумажной целины чертя спирали выводов в ночи: умён не тот, кто виден всем, а тот, кто умный: жизнь явление временное – будем снисходительны!

Увы, никто из имяреков не умрёт. Я понимаю, скука... Но отражения мои! Как выжить со свету их мне, сидящему по горло в теле? А врать в стихах – как спать в огне. (Нет, правда, анальгин не помогает.) И невозможно прыгнуть выше своего таланта. А за окном орёт какой-то пьяный брат...

Я встал! И сел.

В условиях поставленной задачи: быть живым, но зрячим, – тронулся мозг в ледяной голове:

Пейзаж души суровый, городской: гранёный двор-стакан; на дне – осадок белой ночи, асфальта хмель, вода времён...

Пора и мне туда, читатель (промедление над бездной равносильно смерти акробата): вхожу, как страус, в роль: смешливость подкатила под горло гильотиной... Здравствуй, головная боль.

⁶ №6

Да, прошлого было довольно вполне, чтобы актёру сменить амплуа. Да вышла промашка: попуталась память с сегодняшним днём...

Я, выпавшись, в зеркало сети закинул за образом новым: что в нём изловил? какой тёмный угол в себе отыскал? что безразличному миру открыл?..

Сижу с кислым абрисом перед окном. (Ах, письма не в моде давно!) И, всё выпрямляясь и выпрямляясь, я гордо смотрю в бесконечность колодца – холодных пустынных небес...

А в спину как крик – телефонный звонок! (Мне стыдно, но это – прогресс.) И трубку берёт уже в руки старик.

⁷ №7

Проснулся как-то снова я. Вдруг сел и понял: обошлось на этот раз: лицо – на мне: есть чем продлить показ грим... масс. (Зевнул. К чему б? Должно к деньгам...) Гляжу: глядит! Вот чёрт... А думал я, закончились кошмары в микромире. А где ж душа?! – сознание, треснув, возопило... Но разум продолжал скрести железом по стеклу: мол, он устал и мало спал, метался и искал! А посему, он заключил, я должен помогать ему из жалости, своим художественным глазом воздействуя на подсознание толпы, в дальнейшей эволюции вперёд!!! Ура, конечно. Но лучше б – вверх... А впрочем, кто поймёт, чего он хочет? (Прости, язык: измучил тебя правды ради.)

Я попытался возразить: я говорил, что мне милей переживать, но людям умным не мешать и не встревать в их волю; что моя доля – говорящая, но персональная: лицом к лицу, от сердца к сердцу, – что я не понимаю и боюсь абстрактных категорий и механических нулей, и презираю спорт в искусстве, и свысока плюю на конъюнктуру... Тут этот усмехнулся (моими же губами, скептик!) и заплакал жёлтыми слезами, оптимист. (Слепая жалость, горе мне, рабу твоих цепей солёных!) Душа во мне зашевелилась... но не поднялась. (Ох, жизни траурная проза, не впервой кивать мне на твои колдобины в падениях своих!) Утрусь...

Стеснясь кругозором, смотрюсь в прямоугольник телевизора: направив взоры страстные в пространство комнаты, сосёт поэзию из мозга моего – в конвульсиях борения трибунствует вещун:

“Над нами царствовал баран! Но мы барана раскусили с горем пополам! Осталось оттащить к костру его баранью тушу и справедливо поделить куски дымящегося мяса! Чтоб снова нам так жить! Легко и славно, и державно! А главное, нет никаких здесь сложностей и тайн...”

Достаточно! Уж разжевал... и закусил, и выпил... и зажгло! И гложет каждого железное желанье свершить над каждым наказанье – за преступленье каждого над каждым: мечтает каждый быть судьёй, не может быть же подсудимым каждый! (Но пьёт в запой не каждый.) Я понимаю телевизор свой!

Посторонись, холерик, нигилист, невежда! Ты и не знаешь, хам, куда ж бежать нам там! Газетки надо покупать! Сойди, стоп-кран, с протоптанной дороги! Не шути с напором! В передовице буквами крупному протиснуто про то, что крах, как будто, и не догresti совсем до твоего нам скомканного комфинала: завал и бурелом, тупик в конце забоя, сплошное заеданье идеала, неожиданный пшик застоя, со взрывом суеты с торца, и сумрачные лица в испареньях рухнувшего строя. Ты, карлик, можешь оставаться у своего сгоревшего моста, а мне – с людьми! да и... туды-хсь! Бульк-брызг! И дюбель шляпкой в рельс!.. Ага, подлец?! А ты не стой без козырька под тонной! Гоните балкой его с травки, пушай не топчет зелень! Клоп на упругом теле! Лови его на мульку и души в постели! Вот, негодяй, брыкается... Ату его, ату! Не жри лимон перед страной на стуле!.. Да где же он? Ау?.. Сбежал, чудовище! Ну, ничего, сквитаемся...

Нет, больше не могу! Неважно что-то получается.

Вот раньше, бывало... Приспичит когда рассыпаться гречкой по полочкам жизни, то классик бал изображал... Нет, право, не пойти ли в массы? Лицо снимаю – надеваю маску...

Старенький скверик (под нежным одеялом неба здесь спит моё детство)...

⁸ №8

Как безопасно, мирно, хорошо, когда на окнах прутья! Невероятна никакая ложь, когда кругом газоны и порядок! (Зря раскричался: крики раздражают, убеждает лишь уверенная тишь на пепелище.) И мне уютно было в теле, когда служил я пациентом для врачебных умозаключений. Но как-то лунной августовской ночью, в миг полусонных просветлений (которые случаются с любим, но редко кто прислушивался к ним) я, как безумный, молча возопил: “Я призван в долю языком! Ему служить – мой дар! Его лишь слушать – долг мой! Я не имею права на неволю!..”

Я бросил должность: врач, выглянув из зеркала как раз, меня вдруг не узнал, затылок почесал, влоборота повернулся и сошёл с ума. И вот я – тут: без денег и без сигарет проснулся на полу каким-то следующим утром. Не осудите за сюжет: увлёкся автор: заблудился в лицах я... Это ли реальная беда? Да кто же, в самом деле, будет говорить стихами или, хуже того, прозой среди бела дня? Хоть ночью понимаешь себя чаще... Забыл, о чём мы, люди?!

А перечеёл и вспомнил, и ахнул в благодарном страхе: “Тяжела ты, кепка Ильича!” – “Зато легка Чапаева папаха”, – мне эхо тут же отвечало и рукава на мне вязало туже. (Да, могло бы выйти так, кто спорит.) И как назло! в те наши времена моя страна искала свежих заблуждений. Во двор хоть выйди и ори – нет дела до стихов. Никто не слышит: дети просят есть – не до поэтов! (А кто без совести, тот и без грехов.) Только ветер-бездельник свободен – и рад. Ему не до хлеба, его не ограбят в парадном! Ну ладно – без наград, без славы, без ответа, но без денег – как?.. Да, нужен, нужен нам начальник! Как свечке нужен мрак.

И будь ты трижды с юмором в ладу, как выжить в социальной буре, как выплыть из её стакана липкого, мой друг? (Тише, стыд мой: я даю рецепт.) Иди легко: не надо суетиться посреди болота. (Простите дурака: другого права нет пока.) Ну, а кому охота свой краткий век осуществить с гарантией, тому не стоит далеко ходить.

Итак, начальству быть! В отличие от вымерших реликтов, начальники в наличии в отечестве своём. Познав их стиль и норы, свободно можно догадаться, почему живому лучше опасаться сих рангочинов безобразных. Но пора признаться честно: начальники в душе своей кромешной – те же графоманы: как и мы, желают на бумаге лицезреть свои насыщенные умы.

⁹ №9

Кто после долгой тренировки юмора и зренья, смог в рангочине человека уличить, тот видит трепетную душу сквозь дебри общего лица – и улыбается из-за портьеры...¹

¹⁰ №10

Высылаю Вам тайно!² – потому что нехорошо, если фантазию нашего поэта примут за чистую воду (сумасшедший дом, подлец!). Но его гипертрофированный взгляд на лица тоже заслуживает рассмотрения, да и смешно. А я, главное, знаю, как Вы любите шутить!

Ваш Массовхин

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Массовхин: имеет очень ответственное лицо, прямо такое отвесное! Вчера избран спикером нашей палаты представителей беглой части разумного человечества; при одном воздерживающемся (мне... давно).

Озноб: трудный любовник.

Молотцеватных: солист из хора.

Подчердачников: бригадный санитар-доброволец, чтоб жил он бесконечно!.. Вот он опять вышел издеваться над искажённым от отвращения ответственным лицом нашего спикера, пытаясь его обезвредить, отчего оно начинает вращаться и кряхтеть, как мопед.

Грязноплотнев: любимчик бригадного; кашляет кровью – скоро помрёт. (Жалко: ему здесь нравится.)

Гости: посещают товарища Массовхина, который их учит жить, не жалуясь о себе (что так приятно в нём).

Иногда по коридору – с весьма собачьим видом – проходит тень.

Лбы продолжают функционировать, иронично замерзая на ходу. Я тоже не вмешиваюсь (чисто механически). Жизнь идёт своим чередом. (Пусть идёт! Всё равно закружится.) Но в отличие от прозы она так учит. В этом её преимущество! (Пожалуй, единственное.) Память превратит её в роман. (А кто не жил, тот и не понял.)

¹ Да-а, Бытовик отменный кадровик! Недаром из него я сделал экстрасенса...

² Старик мне надоел: весь выдохся с идеей мате-реализма. Сейчас в цене уж мистика, но – наша. Бери пример с Бытовика, папаша! (но не понять меня не захотел ты...)

Вышеочерченный господин Бытовик (зачем-то таская повсюду, как тень, этого ублюдка с собачьим взглядом непреднамеренного убийства, имею в виду Гдебютина) вскользь попросил меня подметить, путём принесения следующей нотабени, что и делаю с нормальной охотой: мол, всё, касающееся здесь его, Бытовика, имярека, сочинённого нашим автором из тщеславия, есть плод поэтического порхания, то есть чистая ложь, что принципиально, ибо объективно. Какая рабская зависимость от мнения толпы! Я же, например, молчу!!! Меня-то осветил наш автор похлеще каждого из вас. Смотри, веди себя достойно: бойся лишь меня: я шуток не люблю! чужих.

Гдебютин (также имеющийся на виду) отозвался, что ему, дескать, всё равно, дурак.

Очень боимся, тяжело перенося, экс-пери-ментальных посещений экстрасенса, сдавшего в макулатуру нашего очкарика. (Везёт ему на друзей! Как утопающему – на соломинки.)

¹¹ №11

Ишь, пишет! будто я когда-то вычислил какой-то “документ”... Но, граждане, в чём дело?! То – копия! Тот, в зеркале, не я... а друг мой, кочегар угрюмый! Хотя... Грядущие мои, я вас предостеречь хочу: о люди! ослепленные будущим (понаступавшим кое-где на наши косточки), гражданскую избавьте душу от литературного балласта! Глядь, вылезла из зеркала как раз:

*

копия документа
заверена составителем:
трудотерапевт: *Суховынимаев*

ПРАЗДНИЧНАЯ ПРОГРАММА *в честь коллектива нашей трудотерапии и в качестве необходимого отдохновения*

Трудящиеся на коричневых топчанах. Приёмный покой, заменяющий сцену. Дёрнулась и поднимается занавеска. За окном постукивает бумажный змей.

В р а ч [*перед зеркалом*]. Чего надо?
Н е к т о [*оттуда; озираясь по сторонам*]. Я вижу сны!
В р а ч [*просыпаясь*]. Здоровый он человек! Не верьте ему!..
Н е к т о [*равнодушно протирая очки*]. Так не бывает.
В р а ч [*просияв*]. Мы все шизики!
Н е к т о. Опять философствуешь?
В р а ч [*зевнув*]. Здесь все философствуют...
Н е к т о. А я вот тут устроился: работаю!
В р а ч. Хе-хе-хе.
Н е к т о. Хи-хи-хи... Знаешь, ты кто?
В р а ч [*сделав страшное лицо*]. Знаю.
Н е к т о. Смешно. [*Исчезает.*]

Раздаётся ритм времени. Змей за окном зловеще воодушевляется. Врача уводят. Аплодисменты. Визг. Звон зеркал.

Подхалтуривших артистов вновь выпускают на сцену. Они иронично кланяются и, получив по дополнительному компоту, заслуженно извиняются с глаз долой.

На подмостки выдвигаются пенсионеры. Начинается хор. (Солист слегка выступает на его поверхности.)

Х о р

Наше время проходит в тоске.
Мы висим с тобой на волоске.
Перепрыгнув фортуны барьер,
улыбается нам лицемер.

А во сне мы играем в песке,
словно дети, с совочком в руке.
Заполняя телами партер,
улыбается нам Люцифер.

С о л и с т

Рядом со мною на поводке
идёт беленький фокстерьер.
Очень маленький фокстерьер!

Допев свою песню, пенсионеры сходят со сцены один за одним.

Появляются новые люди в носках. Всё раскручивается и блесит. Функционируют шутки и розыгрыши. Продаются звёзды.

Так, в непринуждённой обстановке, затихает ночь. И только воздух-зануда тревожит закрытые стёкла, задыхаясь в равнодушных квадратиках железной решётки...

Никого. В коридоре горит одинокая лампочка.

Кто-то насторожился... Скоро подъём! Спите.

¹² №12

Записано при взятии
так и лежит... и будешь лежать! сколько я скажу,
стихопат. В стол его! *Врач Некто*

Прощай, очкарик...
Спасибо за нелёгкое терпенье и соавторство.
Желаю смысла в личной жизни и здоровых сновидений!
Не забывайся явью чрезмерно.

Моралист зеркальный открытого типа

¹³ №13

Как я вас уже предупреждал: в наш приёмный день “полупроводниковых дверей” к Массовхину¹ приходят голоса: один из них и принёс ему, несчастному спикеру, вечное огорчение, запавшее в мою память по халатной случайности сего непредвзятого гостя.

Вкратце оформим возникшую ситуацию: сей непредвзятый, не глядя в глаза, взял где-то чистую бумажку и брезгливо ушёл в гардероб, где и встал потом в позу сожаления, трусливо прижавшись спиной к зеркалу; а я подло из-за плеча подглядывал... Простите меня, порядочные люди! но так мало у нас сейчас пишется интересного. Но читать не советую... Вот чёрт! теперь точно прочтут.

¹⁴ №14

Вахтёру Грязноплотневу!
Больше никого к нему не вздумай пропустить!

Подчердачников

Пропустить, но бумажку сохранить.

Бытовик

¹⁵ №15

Вся явь, вся фальшь, вся нежить в дом вломилась!..

И зеркало моё разбилось...

Но жаль, поэма-то сыра: длинноты вижу – не люблю стихов, похожих на меня.

Нет, стих – не я: успеет, должен лучше стать...

¹⁶ №16

Эта жизнь могла быть бесконечной... Но кто будет её читать?

¹⁷ №17

К народному читателю по поводу неотвратимо приближающегося размножения в печатных органах гражданина Сумалётова

Обращение.

Я, бывший ближний гражданина Сумалётова: да-да, тот самый, которого оный цинично называл “угрюмым кочегаром”; а также нервно намекает и на другие свои эпитеты.

Исходя из вышеналоженного материала, я больше видеть себя не могу: ни твоим единственным другом, ни коллегой по языку! Лишь многоликий человек мог так вообразить окруживший его мир, к которому я сам отношусь с пониманием.

Поразмышляв на досуге, делаю вывод, что он, гражданин Сумалётов, как трусливый и покрывшийся корыстами лжеписака, балансируя по наклонной, хотел, вероятно, в случае глубокого провала своих далеко идущих (но редко, к счастью, доходящих) планов, подставить под ответный нравственный удар моё уцелевшее лицо, что он, собственно, и сделал, как моральный паразит, доверчиво воспользовавшись тем, что я не имел никакой возможности сотрудничать с их творческими органами и пребывать там в виде члена, подобно этому ренегату, идя на компромисс с открытым забралом. Посему не встречал я в регулярной продаже своего имени и согласно таковому, с позволения сказать, факту прозябал в публичной неизвестности, служа в очередной вонючей котельной, где и сохранился честным. Вот этим не вполне, простите, нормальным положением и проникся упомянутый гражданин, после тяжёлой и продолжительной беседы на саркастической почве.

Разверзлись над тобою перспективы: я вышел из подполья и теперь – как свой прямой гражданский долг – воспринимаю выдачу тебя всеобщему обозрению, дабы неповадно было. Пусть твоё криволинее эхо расчистит путь моим шагам: отныне каждый желающий купить его да узнает, что ты из себя здесь, образно выражаясь, воображал!

---

¹ Ну как? Хорошо Вам здесь? Так что зря ты на меня обиделся. А ведь ты обиделся!

ПРОЛОГ

Мой автор самых лёгких правил,
когда не в шутку занемог,
перед лицом меня поставил –
и лучшего узреть не мог.
Какая трудная наука:
смотреться нам в лицо друг друга!
Кому лицей – кому котёл:
кто гений – кто, увы, козёл.
Что мудро, то уж не жестоко:
судьбы ль высокое коварство,
любви ли смертное лекарство, –
лишь власть любая не от Бога.
Но, автор, друг, прочти меня...
Темнеет, чёрт... Огня, огня!²

---

¹ Умозрительно предвкушая могущие затикать в милых читательских головах недоумённые вопросы и во избежание новых жертв, срочно накладываю нотабено: данное “Обращение” принадлежит одному из осколков нашего писателя, разбитого при взятии по месту жительства, согласно прописке, которая, кстати довести, уже недействительна, в результате нудной неоплаты за её услуги.

² Что ж это такое, в конце-то концов?! А интересно... Скажу, что ещё раз перечитав специально эту аппликацию, убедился, что она ничему не соответствует. (Скорее – наоборот.) К чему тогда?

Я задумался, подумал, подумал – и решился послать мысль за побегушкой Окологеняевым, незамедлительно пробурчавшим, что знает он, зачем его приятель Сумалётов повсюду... Верю! Пошёл вон.

Хитёр, братец! Написал наши автопортреты, а иголочку спрятал? Канул бы у меня в Лету, графоман бессмертный, если б я знал – где! Простите за невинную грубость (плод разговора с Окологеняевым). Кабы мне его раскусить (не Окологеняева, конечно: этот понятен, как бублик), сжёг бы всех. А пока вот тужься... Эх, знать бы только, что он хотел сказать... Все они, писатели, пишут одно, а хотят сказать чёрт знает что! Недаром учёные люди выводят их на чистую воду. Изобрели бы лучше приборчик для чтения мыслей: вот это – реальная мечта!

Окологеняев же добавил, выходя, что вообще-то его дружок Сумалётов был не прав в своей жизни, о достоверностях которой он имеет кое-что мне приоткрыть при новой встрече... Вон!!!

Коллеги! Единопосеянные мои имяреки! Я, в отличие от вас, терпимый человек и не обижаюсь на нашего мрачного автора: главное, не какая-то там абсолютная истина (которой, как выяснилось наконец, нигде реально нет), а то, что каждый понимает по-своему!

Так пусть неугасимым символом “этого” зияет “Последняя Точка Зрения”, что давно назрела в нашем сужающемся времени и которую в любом удобном для себя месте гражданин читатель свободно может оставить сам, что ново!